
А. В. Дружинин

**Современные заметки.
Письма Иногородного Подписчика
в редакцию «Современника»
о русской журналистике. XXII – Декабрь 1850
Отрывок**

Замечательнейшею вещью в 22 номере «Москвитянина» могут назваться сцены А. Н. Островского под названием «Утро молодого человека». Известность их автора так велика, что, по всей вероятности, весьма многие из русских читателей уже успели узнать эти сцены и даже отозваться о них не совсем выгодно. Я, с своей стороны, согласен с отзывами многих беспристрастных ценителей в том, что «Утро молодого человека» основано на идее старой и избитой, что сцен этих слишком мало, что самый язык действующих лиц не имеет той прелести и той природы, которой всякий ждет от комика, подобного г. Островскому, и со всем тем, я убежден, что каждый журнал с радостью поместил бы «Утро молодого человека» на своих страницах: так много в этих коротеньких сценах простодушной бойкости и наблюдательности. Неужели же людям с замечательным дарованием трудиться весь свой век над произведениями длинными, глубоко обдуманними, требующими усилий и вечных колебаний? Неужели им нейдет изредка набросать, эскиз, снять беглый очерк с предмета, им нравящегося, сделать шутливую заметку, даже карикатуру? По мнению строгих любителей изящного, даровитый писатель обязан без отдыха двигаться вперед, презируя мелочами жизни и думая только о том, чтоб его перечитывали через четыреста лет с небольшим. Эти-то строгие любители, при всей своей симпатии к г. Островскому, встретили его новое произведение с решительным неудовольствием и вместо того, чтоб поблагодарить автора за целый ряд оживленных, приятных и легко читающихся сцен, говорят о них неохотно, и только совестятся назвать их совершенно плохую вещью.

Есть писатели, имеющие способность быть всегда умными и новыми. Таким людям можно в часы досуга и лениности умственной писать решительно о чем им вздумается: о табаке, африканских степях, петербургских пuffedках, о балете, сочинениях Макиавеля, или псовой охоте, о симпатических улитках, или новых французских романах, — под их пером всякая мысль уляжется ловко, всякая картинка будет привлекательна. Склад их ума так оригинален, их наблюдательность так изощрена, что для них общих мест не существует. Писатели подобного разряда всегда одинаковы, всегда верны самим себе как нельзя более. Они могут описывать дурную погоду — и их дочитают до конца, они могут построить какую-нибудь сценку на избитой мысли — и сцена будет жива. К таким писателям я смело отношу г. Островского, хотя, сколько я знаю, он никогда не писал ни о Макиавеле, ни о железных дорогах, ни о симпатических улитках. Чтоб вполне согласиться со мной, нужно только перечитать собрание мелких статей из «Смеси» «Москвитянина», — статей, посвященных картинам из русского и особенно московского быта, как то: вскрытию Москвы-реки, извозчикам, Охотному ряду и так далее. Все эти статьи показывают в авторах (Мее, Берге и др.) наглядность,

старание, любовь к простому быту, дилетантизм наблюдательности. Отчего же результат их дилетантизма таков, что ни одна из их статей не читается без скуки? Через несколько страниц после «Утра молодого человека» в той же книжке «Москвитянина» помещен юмористический рассказ г-на Г. «Неожиданное знакомство с новым соседом», где рассказывается, как один молодой псовый охотник затравил русака в спальне у своего соседа по имению. Основание рассказа довольно комическое, но комизма в нем нет ни малейшего, хотя его автор пукался в анализ характеров, делал отступления и даже ссылался на древних жрецов. Недоставало ему только коснуться греческого философа Диогена; но сомневаюсь, чтобы и в таком случае рассказ выиграл. А в то же время г. Островский представил три-четыре сценки из быта купца Недопекина, и сценки эти читаются так быстро и легко, что рука невольно тянется к прочитанным уже страницам и хочет перелистовать их сызнова.

Мысль, лежащая в основании сцен г. Островского, без сомнения, стара; но это не мешает изяществу подробностей. Молодой купец Недопекин вздумал жить не по состоянию и сблизаться не с своим кругом, одел свою прислугу на заграничный манер, окружил себя объедалами и исполняет все их прихоти, изредка позволяя себе обычное удовольствие амфитриона, то есть некоторые дерзости в разговоре с прихлебателями. Родственник Недопекина, старый купец Смуров, является к нему, смеется над его затеями и приносит известие о том, что денежные дела нашего мота идут до крайности плохо. Вот эта сцена, которою заключается «Утро молодого человека».

С м у р о в (*входит; за ним Вася*). Что, Семен дома?

И в а н. Уехали-с.

С м у р о в. А не знаешь куда?

И в а н. Не знаю. Подождите; может, скоро будет.

С м у р о в. Подождем! Садись, Вася, будем его милости дожидаться.

Иван уходит. Молчание.

В а с я. Абрам-то Сидорыч говорит нынче: я, говорит, протестую.

С м у р о в. Ишь ты, срам какой! А еще-то много должен, не слыхал ты?

В а с я. Тысяч на пять серебром наберется.

С м у р о в. Все по доверенности матери?

В а с я. По доверенности.

С м у р о в. Платежи-то не скоро?

В а с я. По одному-то на этой неделе надо платить. Дан был Белорыбицыну; а он Семену Арефьичу передал. Семен-то Арефьич вчера и говорит в трактире: мне, говорит, заплатит, а то я старуху-то и в яму потяну.

С м у р о в. Да и поделом ей, дура, коли допустила до этого. Хорошо еще, что я-то хватился, а то он накуралесил бы, что и не расхлебашь. Ишь ты, как разукрасил сдуру-то! Трюмо завел! (*Смеется*.) Книжки разные! Покажь-ка, Вася, что там за книжки.

В а с я (*берет книгу*). Французская, должно быть, либо немецкая.

С м у р о в. Нешто он по-французски-то знает?

В а с я. Где, дяденька, знать! Так, для близиру лежат.

С м у р о в. Эка дурачина-то! (*Смеется, потом вздыхает*.) Эх, то-то глупо-то! То-то бить-то некому! (*Молчание*.) Чей это мальчонка-то у него?

В а с я. Матренин внучек, что у тетеньки-то живет старуха; еще она сродни тетеньке-то.

С м у р о в. Так, стало быть, он сын Сидорыча-то, что у свата на фабрике?

В а с я. Сын. А сестру его, Дашу, помните, тетенька замуж выдавала за лавочника. Еще, помните, Ганька-то кудрявый весь сажей вымазался.

С м у р о в. Помню, помню. Отец-то славный малый, честный, а мальчишку-то как обезобразили. Ведь вот отец-то его ни в чем не замечен, а сынишка-то что делает. Обругать надо человека — этакую

штуку надеть. Конечно, он мальчишка, его как хошь тормози; да за что же обезьяной-то наряжать! Как его зовут-то?

В а с я. Гришуткой.

С м у р о в. Гришутка, а Гришутка!

Г р и ш к а (*входит*). Чего изволите-с?

С м у р о в. Повернись-ка, повернись! Хорош, брат, нечего сказать!

В а с я. Дяденька! Точно он физик какой галанский. На птицу похож.

С м у р о в. Будешь похож, когда этакий кортекол наденут.

Г р и ш к а. Да нынче так носят.

С м у р о в. Да кто носит-то, глупый! Носят! Мало ли что носят! Всех нищих не перещеголяешь! Ну, за что тебя так обругали! Эх, Гриша, Гриша! Нехорошо, братец! Ты чем здесь занимаешься-то?

Г р и ш к а. Ничем не занимаюсь. На посылках, да пыль сотрешь, за столом прислужишь.

С м у р о в. Балуешься ты здесь, я вижу, около моего племянника-то. Тебя одели дураком, а ты и рад. А ты полно паясничать-то, ты уж не маленький, пора и об себе подумать. Чего ты здесь дождешься? Ничего не дождешься, ни лысого беса. А ты бы просился у бабушки-то, чтоб тебя куда в порядочное место отдали, в лавку, что ли, куда; на крайности со временем человек будешь, а то что народ-то смешить! Я вот бабушке-то поговорю.

Входит Иван.

Что ж, скоро ли будет-то?

И в а н. Не знаю; может быть, и вовсе не приедет. Да вот вы напишите, что вам нужно. (*Подает ему бумагу и перо.*)

С м у р о в. Напишите! А что я стану писать! Ишь ты, разгулялся очень! Какого я ему рожна напишу! Умны вы очень! Напишите! Дурак ты, я вижу, и с барином-то с твоим; а то еще «напишите». Очень мне нужно! Поди-ка-сь, господа какие! Пойдем, Вася.

И в а н. Что же сказать прикажете, коли Семен Парамоньч спросят?

С м у р о в. Скажи ему, что дурак он, вот что!

В а с я. Дяденька, он говорит, что он образованный человек.

С м у р о в. Как же ему не быть образованным! Из трактиров не выходит, по рощам шампанское пьет. (*Ивану.*) Так ты слушай! Ты скажи ему, чтоб нынче же к матери приехал, что дяденька, мол, нарочно заезжал. Да ты скажи ему, что я сам старухе-то скажу, чтобы она доверенность-то уничтожила, да в газетах публикуем, что долгов за него не платим, тогда и живи, как он хочет: уж я ему ни слова не скажу. Мы ему хвост-то прижмем (*уходят*).

Сцена эта действительно немножко жидка; но она едва ли не лучшая из всех; по крайней мере, в ней нет той торопливости, с которой набросан разговор между Недопекиным и его паразитом Лисавским. Не думаем, чтоб самый невежественный из прихлебателей способен был называть своего патрона Аполлоном и восхищаться его красотой, тем более что господа, подобные Недопекину, весьма мало знают об Аполлоне и нимало не дорожат его репутациею как красавца и бога поэтов.

Однако я замечаю, что сам против воли начинаю разделять мнение большинства читателей и смотреть на «Утро молодого человека» не совсем снисходительным образом. Неудачная фигура Лисавского и его речи об Аполлоне всему виною; а кроме того, мне досадно, почему автор с любовью не остановился над таким великолепным для комика персонажем. Паразит, прихлебатель, джентльмен, имеющий страсть жить на чужой счет, — вот тип поистине неистощимый, вечно разнообразный, понятный каждому. Недаром греческие комики, и за ними Теренций, так были пристрастны к подобного рода лицам, недаром лучшие роли в их произведениях даны паразитам. Жизнь на чужой счет это — неисчерпаемый рудник веселости, забавных положений, патетических мест и тонкого анализа. Я боюсь, чтобы, набросав несколько штрихов по поводу обеда Лисавского, г. Островский не отбил сам у себя охоты к изображению подобных лиц. Даровитые люди слишком боятся повторять самих себя и, раз посвятив строчку тому или другому характеру, редко возвращаются к описанному уже предмету.

Люди, привыкшие жить на чужой счет, составляют обширную часть рода человеческого; их виды разнообразны до бесконечности, их нравы изменяются соответственно стране, городу, клочку земли, где они проживают. Они не все смешны, но все могут идти в комедию; они не все дурны нравственно, но все интересны. Я имел случай наблюдать разные роды паразитов и с удовольствием готов рассказать о них кое-что, может быть, пригодное для какого-нибудь комика или повествователя.

1851

А. В. Дружинин

Современные заметки. Письма Иногородного Подписчика в редакцию «Современника»
о русской журналистике. XXII — Декабрь 1850

Впервые: С. 1851. № 1. Отд. VI. С. 82–106. Публикуемый фрагмент — с. 95–99. Без подписи.
Цензурное разрешение — 31.12.1850. Цензор А. Л. Крылов.

Переизд.: *Дружинин*. Т. 6.

Фрагмент фельетона является первым развернутым отзывом Дружинина об А. Н. Островском и первой рецензией на «Утро молодого человека» в русской критике, хотя годом ранее Дружинин вскользь упомянул о комедии Островского «Свои люди — сочтемся!», назвав похвалу ей «совершенно основательной» (*Дружинин*. Т. 6. С. 273; впервые: С. 1850. № 2). Ссылаясь на устные неодобрительные высказывания коллег по «Современнику» и упреждая холодный прием сцен в журналах (см. ниже), Дружинин тем не менее высоко оценивал наблюдательность драматурга и непосредственность его таланта. В соответствии со своей эстетической теорией артистизма,

с одной стороны, и стратегией фельетониста, с другой, Дружинин пытался релятивизировать любое догматическое мнение. Именно поэтому в фельетоне говорится о праве истинного художника на не затратный по силам и отделке легкий очерк, карикатуру, мгновенный снимок с натуры. К таким авторам, по Дружинину, и относится Островский, под пером которого даже самые незначительные предметы выходят талантливо, что резко отличает его от фельетонистов «Москвитянина» Л. Мея и Н. Берга, иронически упоминаемых в «Письме». Такая позиция Дружинина противоречила идеям «молодой редакции», которая требовала от художника серьезности и художественности даже в самых небольших жанрах.

Суждения Дружинина об «Утре» (избитость сюжета, но живость сцен и характеров) были развиты в анонимной рецензии «Современника» на альманах «Комета» (см. наст. изд., с. 116–117).

С. 57. *Замечательнейшею вещью в 22 номере ~ под названием «Утро молодого человека».* — Сцены Островского опубликованы в «Москвитянине» (1850. № 22).

С. 57. *Известность их автора так велика...* — Дружинин имеет в виду популярность первой комедии «Свои люди — сочтемся!» (М. 1850. № 6) и быстро утвердившуюся репутацию автора как продолжателя Гоголя. Отдельных рецензий на нее в печати не появлялось из-за цензурных запретов на ее постановку (см. коммент. Е. И. Прохорова: *Островский*. Т. 1. С. 508–511).

С. 57. *...согласен с отзывами многих беспристрастных ценителей ~ от комика, подобного г. Островскому...* — Поскольку статья Дружинина является первым печатным отзывом на «Утро...», скорее всего, здесь имеются в виду какие-то устные суждения литераторов круга «Современника», позднее частично высказанные в рецензии на альманах «Комета» (см. наст. изд., с. 116–117). Эти мнения отражали разочарование критики в Островском, талант которого якобы начал падать после «Своих людей...». Под «старой и избитой» идеей Дружинин подразумевал зависимость «Утра» Островского от «Утра делового человека» Н. В. Гоголя (1836), на что указано в рецензии на альманах «Комета» (наст. изд., с. 116).

С. 57. *...строгие любители ~ с решительным неудовольствием...* — См. предыдущий коммент.

С. 57. *Таким людям можно в часы досуга ~ или новых французских романах...* — Пуфф, вариант: пуфф — надувательство, нелепая выдумка. Никколо ди Бернардо Макиавелли (Niccolò di Bernardo dei Machiavelli, 1469–1527) — флорентийский политик, писатель и философ. Под симпатическими улитками подразумевается специальный прибор, т. н. «симпатический компас», об изобретении которого сообщалось в фельетоне «Литературная летопись. Октябрь 1850» (БдЧ. 1850. № 11. Отд. VI. С. 5–6). Поскольку в основе действия прибора лежало магнитное поле и симпатический и «гальвано-улиточный» импульс, автор фельетона О. И. Сенковский (об авторстве см.: Сенковский О. И. Соч. Т. 1. С. СXXXIII. № 287) назвал его «симпатической улиткой». Хотя перечислительный ряд у Дружинина носит пародийный характер (сочетание несочетаемых тем), под автором, способным с легкостью сочетать разные темы, несомненно, имеется в виду Сенковский.

С. 57. *...собрание мелких статей из «Смеси» «Москвитянина ~ показывают в авторах (Мее, Берге и др.)...* — Имеются в виду фельетоны молодых сотрудников «Москвитянина» Льва Александровича Мея (1822–1862), Николая Васильевича Берга (1823–1884) и Сергея Павловича Колошина (1822–1869), печатавшиеся в «Москвитянине» за 1850 г.: «Лед идет. Река тронулась» Берга (№ 9); «Соборное воскресенье» Мея (№ 7); «Из записок праздновающего. I. Лихач» Колошина (№ 7).

С. 58. *...юмористический рассказ г-на Г.: «Неожиданное знакомство с новым соседом»...* — Рассказ за подп. «Г.» опублик.: М. 1850. № 22. Отд. VI. С. 19–22.

С. 58. *Автор ~ даже ссылался на древних жрецов. Недоставало ему только коснуться греческого философа Диогена...* — Имеется в виду фраза из фельетона «великий был философ калужский помещик и ничем не уступал знаменитейшим мудрецам древности!» (Там же. С. 20). Диоген (ок. 412–323 до н. э.) — др.-греч. философ, основатель школы киников.

С. 58. *Мысль, лежащая в основании сцен г. Островского, без сомнения, стара...* — См. коммент. выше.

С. 58. *Амфитрион* — персонаж др.-греч. мифологии, герой одноименной пьесы Мольера (1668); нариц. хлебосол, человек, любящий принимать и угощать гостей.

С. 59. *...греческие комики, и за ними Теренций ~ лучшие роли в их произведениях даны паразитам.* — Слово «паразит» и ассоциация с античной комедией появляется у Дружинина не случайно, т. к. было актуализировано, во-первых, переводом комедии Плавта «Пленники» с героем «паразитом» Эргазилом (БдЧ. 1849. № 11), а во-вторых, специальной статьей С. Д. Шестакова «О роли паразитов в древней комедии» (Прописки. М., 1851. Кн. 1), в которой автор указывал, что в древней Греции «паразитом» изначально называли почтенного и знатного собеседника, регулярно приглашаемого на пиры и трапезы. С течением времени слово изменило значение и стало обозначать незнатного бедняка, нахлебника, умеющего льстить и хвалить богатого хозяина (см.: Там же. С. 180). В комедиях римского драматурга Плавта, как указывает Шестаков, герой-паразит

появляется 8 раз, у Теренция — 2 раза (в комедиях «Евнух» и «Формион», где герои-льстецы обирают богатых стариков, не брезгуя никакими средствами в достижении цели). В ответ на утверждение Шестакова о том, что в современной литературе тип паразита невозможен, филолог-классик Б. И. Ордынский возражал и приводил пример Антона Ивановича из «Обыкновенной истории» Гончарова, Недопюскина из рассказа Тургенева, а также «Утро молодого человека» Островского (см.: М. 1851. № 17. С. 145).